

Владимир Лившиц

Главным в жизни для него была работа: Воспоминания об отце Моисее Лившице из местечка Камень Лепельского района

Родом из Витебщины

Мой отец, Лившиц Моисей Хаймович, родился 31 мая 1917 г. в местечке Камень Лепельского района Витебской области. В семье Хаима Менделевича было шестеро детей: четверо сыновей – Александр, Герц, Моисей и Абрам, который еще до войны поехал по вербовке на стройку в Россию и пропал, и две дочери – Слава и Ася.

Отец вспоминал, что семья жила недалеко от мельницы, и крестьяне, которые приезжали на мельницу, часто останавливались около них, а рассчитывались они часто мукой. Муку продавали соседям или меняли на другие продукты или вещи. Мать Бэла выращивала овощи, покупала другие продукты и готовила приезжим обеды. Хаим часто болел, хозяйством никогда не занимался, а пять раз в день посещал синагогу, считался в деревне большим знатоком Торы, часто к нему домой приходили соседи-евреи и белорусы за советом.

*Дом, в котором жила семья Хаима Лившица.
Снимок 1927 года*

Как вспоминал отец, семья жила тяжело, часто нуждалась, помогали посылки и переводы родственников из США, которые присылали доллары, на которые можно было купить продукты и вещи в специальном магазине Торгсина.

Текст публикуется в авторской редакции. Орфография и пунктуация приведены в соответствие с принятыми нормами.

*Моисей Лившиц
(сидит на земле в первом ряду, шестой справа)*

Мать отца, хотя никогда не болела, умерла еще до войны, и мой дедушка, когда дети разъехались, пригласил в свой дом семью двоюродного брата. 17 сентября 1941 года его, как и всех евреев местечка, расстреляли фашисты.

Бывший житель местечка Гирш Райхельсон, основываясь на воспоминаниях жителей, так описывает этот трагический момент в истории местечка: «...Евреев пока не выселяли из своих домов, никакого гетто не создавалось. Синагогу, что стояла неподалеку от озера и базарной площади, закрыли и разграбили в первые дни. Потом начался и грабеж еврейских домов. Односельчане заходили к своим соседям-евреям и забирали то, что хотели. Атмосфера незащитности и страха, неопределенности будущего постепенно день за днем нагнеталась всё новыми проявлениями беспредела, открытой ненависти и безнаказанности. Далеко не все жители – не евреи местечка – принимали участие в бесчинствах и издевательствах.

Некоторые сочувствовали и возмущались поведением соседей. Но помогать евреям было уже опасно, а позже – и смертельно опасно. Впрочем,

относительно близкого будущего, ожидающего евреев, секретов не делали. Те же вчерашние многолетние соседи вдруг, вспоминая какие-то прошлые обиды или недоразумения, говорили о неминуемой расплате. То же говорили и грабители в ответ на протесты евреев: “Зачем это тебе, Борух (Хаим, Юда...)? Немцы же всё равно вас убьют”. Так постепенно страх превращался в отчаяние обреченных. Тем не менее, жизнь продолжалась...»¹.

За день до расстрела евреям местечка было объявлено, что их должны отправить в Лепель, и приказали собраться на базарной площади. 17 сентября 1941 г. собралось более 170 человек, их построили в колонну, многие начали кричать, отказывались идти, ведь до Лепеля более 20 км. Тогда на несколько подвод посадили стариков и маленьких детей. Дедушка к этому времени сильно болел и не мог идти. Тогда полицейские привязали его к лошади и притащили к месту расстрела.

29 августа 1966 г. состоялось открытие памятника, приуроченное к 25-летию расстрела, на памятнике были выбиты надпись и звезда Давида,

*Моисей Лившиц
(первый справа, рядом его брат Александр)*

но затем ее перебили на пятиконечную звезду. Оправдываясь, председатель сельского Совета сказал: «Как я буду приводить сюда пионеров, если на памятнике знак сионистов? Поэтому я приказал перебить звезду Давида на пятиконечную звезду».

Трудовую деятельность начинал в Ленинграде

В 30-е гг. XX в. все братья Лившицы оказались в Ленинграде. Первым туда поехал Александр. Отец вспоминал, что во время коллективизации из Ленинграда приехал рабочий, как тогда говорили, «тридцатитысячник», который создавал в их деревне колхоз. Каким-то образом Александр узнал, что этого рабочего планируют убить крестьяне, которые были против создания колхоза в их деревне, и он предупредил его об этом, тот не забыл своего спасителя.

Когда через несколько лет бывший председатель оказался в Ленинграде, он вызвал туда Александра, который поселился в детском доме (мать к этому времени умерла), там же в Ленинграде окончил рабфак, а затем поступил в военно-медицинскую академию. В годы Великой Отечественной войны был врачом-психиатром, служил еще после войны и вышел в отставку в звании подполковника медицинской службы. В послевоенное время жил под

Москвой в городе Пушкино, работал врачом во многих больницах Москвы и Подмосковья, в том числе в знаменитом санатории «Подлипки», где лечилась московская номенклатура. Он умер в 1991 г.

Вслед за ним поехали в Ленинград сестры Ася и Слава. Ася окончила медицинское училище и долгое время работала в Ленинграде медицинской сестрой. Слава окончила педагогическое училище и работала в Москве учительницей. Брат Герц, обучаясь в школе, высказал друзьям мысль о том, что зря выслали Троцкого из СССР. Через несколько дней он был арестован и целых шесть месяцев находился в тюрьме. Но, видимо, следователи решили не раздувать дело, списав все на глупость шестнадцатилетнего подростка. После окончания школы он окончил техникум, жил после войны в городе Новомосковске Тульской области, работал корреспондентом областной газеты.

Отец, оказавшись в Ленинграде, работал рабочим в типографии, в научно-исследовательском институте охраны труда, затем пионервожатым. В Ленинграде он познакомился с Софьей Гликиной, моей будущей мамой. Несмотря на то, что она была его старше на десять лет, они быстро подружились и полюбили друг друга. 31 декабря 1940 г. у них родилась дочь, которую назвали Бэлла (она в настоящее время проживает в Израиле). Летом мать с дочерью поехали к ее родителям в город Рогачёв Гомельской области. Планировал туда на время отпуска приехать и отец, но началась война.

В годы Великой Отечественной войны

В первые месяцы отца не взяли на фронт из-за плохого зрения. Но, когда осенью фашисты были уже на подступах к Ленинграду, он вступил в коммунистическую дивизию народного ополчения. Отец вспоминал, что их роту одели в военную форму, но оружие дали только каждому третьему и сказали: «Остальные должны добыть оружие в бою». Бросили в самое пекло – под Лугу. На их роту стали надвигаться танки, но командир батальона – участник гражданской войны (инвалид, без руки), увидев это, приказал бежать в сторону леса. Это их и спасло. После двух месяцев на

фронте зрение отца ухудшилось, и его перевели в санитарно-эпидемиологический батальон.

Задача этого батальона состояла в том, чтобы собирать по квартирам умерших от голода и холода людей и вывозить на места захоронения. Отец вспоминал, что иногда они приходили в квартиры, где все были уже мертвыми, многие не хоронили своих родных, так как на них выдавали продовольственные карточки, и тела многих превращались в мумии. Запомнился один его рассказ о том, как их боец вез трупы на лошади, она, поскользнувшись, упала и не могла подняться (лошади также были голодные). Боец зашел в один из домов для того, чтобы позвонить в штаб, в это время на лошадь набросились голодные люди и буквально за полчаса растерзали ее, выйдя из дома, боец увидел на снегу только большое кровавое пятно.

После блокады у отца сохранилась привычка, приходя с работы, проверять, есть ли в доме хлеб. Из-за постоянного недоедания у него ухудшилось зрение, его комиссовали полностью и предложили эвакуироваться. В январе 1943 г. он вместе с Ритой – сестрой жены – сумел эвакуироваться и приехать в город Красный Кут Саратовской области, где уже жила жена с родственниками.

На комсомольской работе

Во время войны отец вступил в партию, и в Саратовской области ему предложили работать в комсомоле.

В августе 1943 г. в семье родилась вторая дочь Фаина (в настоящее время проживает в Израиле), а в феврале 1946 года родился и я. В 1945 году мужа сестры матери (Раисы Каган) направили в Горки Могилевской области для организации там районной газеты. Они стали звать мою семью в родную Белоруссию.

Работа в Горках

Летом 1946 г. мы переехали в Горки. Некоторое время жили у маминой сестры, а затем сняли комнату. Дом был небольшой, но там жило

несколько семей. У нас было трое детей, кроме того, с нами жила еще бабушка Стэра, которая помогала маме. У хозяина и его жены было трое детей, вместе с ними жили мать жены и девочка из деревни, которая работала нянькой. В одной комнате жила еще одна квартирантка – одинокая женщина Сима Абрамовна Винц, которая работала судьей в Горецком народном суде.

Приехав в Горки, отец начал работал в райисполкоме уполномоченным по организованному набору рабочих. Он набирал и отправлял рабочих, завербованных на разные стройки СССР. Вспоминал, что одного рабочего он отправлял несколько раз. Тот получал подъемные и ехал в Оршу, там их за несколько дней пропивал и возвращался в Горки. Удивительно, что его тогда не посадили в тюрьму. В подшивке районной газеты «Ленінскі шлях» сохранились заметки, которые писал отец. Отец говорил, что гонорар хоть и был мизерный, но это была помощь для семейного бюджета.

В 1947 году отца назначили заведующим отделом культуры Горецкого райисполкома, но на этой должности он долго не работал. Началась борьба с космополитизмом. Отец вспоминал, как его вызвал к себе на прием первый секретарь райкома партии и сказал, что он не имеет претензий к его работе, но наступило такое время, когда нужно уйти из райисполкома. Тогда отца назначили директором кинотеатра.

Первый директор кинотеатра

Собственно кинотеатра еще не было, его нужно было оборудовать из деревянного помещения, расположенного на территории академии. Во время войны фашисты сделали там конюшню. Под руководством отца очистили помещение, установили кресла, и кинотеатр стал работать. Мне запомнился фильм «Тарзан», про который отец говорил: «“Тарзан” помогает делать план». При кинотеатре ему разрешили в одной из комнат поселить семью. Это была довольно большая комната, разделенная занавесками на несколько отсеков, где мы и разместились. Когда через несколько лет это здание разобрали, то под нашей комнатой обнаружили несколько артил-

лерийских снарядов. Видимо, фашисты хотели его взорвать, но не успели.

Отец после войны ходил в военной форме без знаков отличия, которую ему присылал брат Александр. Все в Горках думали, что он отставной офицер.

В эти годы Сталин придумал одеть в форму и киномехаников. Мне помнится, что ее получали в Могилеве. Пятьдесят процентов стоимости оплачивало государство.

В 1953 г. нам выделили двухкомнатную квартиру в одном из первых домов, построенных после войны в Горках. Она была рядом с кинотеатром. Отец почти все время проводил на работе: он уходил к 8 часам утра и возвращался после 11 вечера, когда завершался последний сеанс. Свое присутствие «до окончания последнего сеанса» он оправдывал тем, что часто пропадал свет, и тогда он помогал киномеханикам завести движок. Нередко он вместе со своим верным помощником Н. Прудниковым вечером выезжал в деревни, где ставилось кино, и проверял, как киномеханики «обилечивают» посетителей киносеансов.

В начале 60-х годов в Горках решили построить новый кинотеатр. Выбрали место в самом центре города. Это было типовое здание, их тогда в Беларуси построили несколько, точно такое же здание сохранилось в Орше.

В кинотеатре перед сеансами выступали с небольшими концертами учащиеся музыкальной школы, духового оркестра, лекторы. В фойе перед началом киносеанса демонстрировали небольшие документальные фильмы. Был хороший буфет. Вот он и доставлял отцу много неприятностей. Многие подвыпившие жители города считали, что для «полного счастья» нужно добавить пива, и пытались попасть в буфет кинотеатра, не купив билета. Отец их не пускал, тогда они начинали его ругать, не забывая, что он еврей. Это отца сильно огорчало.

Бывший житель Горок Л. Литвин вспоминал, что ему в эти годы пришлось присутствовать на академическом партийном собрании, где рассматривалось заявление директора кинотеатра М.Х. Лившица «об оскорблении его жидом» одним из членов партии, сотрудником академии, которого отец не пустил в буфет. Ему был объявлен выговор, но после собрания ему показалось,

Моисей Лившиц и его жена Софья

что основная масса коммунистов не осуждала этого сотрудника.

Отцу пришлось пробить отверстие в стене кинотеатра в виде окошка и продавать любителям пиво в то время, когда шел киносеанс. Правда, вскоре власти это делать запретили, так как было открыто несколько пивных и кафе.

Во главе фильмотеки

Когда в 70-е годы при районном отделе образования создали учебную фильмотеку, отца пригласили заведовать ею. Он взялся за это с энтузиазмом. Используя свои связи в кругах кинофикации (ему передавали списанные фильмы), быстро собрал большое количество фильмов, горечая фильмотека стала одной из лучших в области.

В феврале 1979 г. внезапно умерла наша мама. Отец сильно переживал, и ему было скучно жить в нашей семье. Во время одной из поездок в Москву брат Александр познакомил его со своей пациенткой Анной, у которой умер муж.

В шестьдесят три года стал москвичом

После некоторых раздумий отец переехал к Анне на постоянное место жительства. Так в

63 года он стал москвичом. Анна оказалась заботливой и внимательной женой. Хорошо относилась и к нам – детям.

Уже находясь в Москве, отец несколько раз делал запросы в военные архивы, которые могли бы подтвердить его участие в Великой Отечественной войне. Однако из них приходили отрицательные ответы. Однажды во время моего приезда в Москву мы разговорились с ним по этому вопросу, и я предложил послать запрос в Ленинградский областной партийный архив. Через несколько недель оттуда пришел ответ, что он действительно состоял в списках коммунистической дивизии народного ополчения и принимал участие в боевых действиях. На основании этой справки отцу был дан статус участника Великой Отечественной войны. Он был награжден орденом Отечественной войны, а затем и юбилейными медалями.

Находясь в Москве, он, конечно, скучал по Горкам и говорил: «Они мне часто снятся». Еще

в Горках он активно участвовал в работе общества слепых. В Москве он посещал собрания этого общества, получал оттуда литературу и книги, записанные на магнитофоне. Много слушал приемник, с которым часто гулял, и все это скрашивало жизнь нового москвича. Здоровье отца стало ухудшаться, ему сделали несколько операций. Анна следила за его здоровьем и постоянным приемом лекарств.

Он умер 10 февраля 1993 года. Через несколько дней состоялась кремация его тела, урну с его останками я захоронил в Горках рядом с могилой нашей мамы.

Таков вкратце жизненный путь нашего отца.

Примечания

¹ *Райхельсон Г.* Когда кричат камни // Мишпоха. 2008. № 22.